

убѣдительно говорить о томъ, что авторъ усердно поработалъ надъ данною ему темою.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы собранный имъ въ изобиліи матеріалъ былъ представленъ всегда въ строгомъ порядкѣ и безъ излишнихъ повтореній.

Иногда встрѣчаются въ сочиненіи и очень досадныя обмолвки (въ родѣ того, что Тертуліанъ называется *Св. Отцомъ* — стр. 31), и не совсѣмъ русскіе обороты рѣчи (напр.: „изучая по св. отцамъ о Царствіи Божіемъ, намъ пришлось обратить вниманіе“ — стр. 39).

Для степени кандидата богословія трудъ о. Теофила долженъ быть признанъ достаточнымъ“.

2) О сочиненіи студента священника *Борисова Василія* на тему: „Святитель Іоасафъ Горленко какъ пастырь“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Поскольку можно судить изъ предисловія къ настоящему сочиненію авторъ его поставилъ своей задачей сдѣлать какъ бы опытъ новаго типа жизнеописаній святыхъ угодниковъ Божіихъ. Онъ совершенно отрицательно относится къ тѣмъ методамъ и приѣмамъ, которые въ данныхъ случаяхъ практиковались прежде. „Мы составляемъ себѣ, говоритъ авторъ, представленіе о святомъ болѣе или менѣе субъективно и всегда хотимъ отмѣтить тѣ особенныя его достоинства, за которыя по нашему мнѣнію Господь, его прославилъ. Думается, что такое описаніе жизни святыхъ всегда недостаточно вѣрно и не всегда можетъ возстановлять намъ личность святого... Мы имѣемъ соблазнъ каждую отмѣченную Богомъ личность цѣнить цѣной рубрикъ и параграфовъ нашей науки „нравственнаго богословія“, и получается тогда, что мы регистрируемъ святого въ нашу вѣдомость, стараемся открыть въ немъ тѣ достоинства, которыя требуются наукой...“ и т. д. (XV стр.). Допускаемъ, что это мнѣніе автора о существовавшихъ и существующихъ приѣмахъ къ построенію историческихъ жизнеописаній святыхъ зародилось у автора на какихъ нибудь солидныхъ данныхъ, имъ правда не указанныхъ, но все-же не можетъ не назвать его слишкомъ общимъ и смѣлымъ. Вѣрнѣе всего авторъ хочетъ приписать себѣ нѣчто новое и какъ бы заранѣе наклеить марку высшаго достоинства на свою работу, прокладываящую какъ бы

новыя пути научной разработки подобныхъ вопросовъ. А вотъ методъ и приемы самого автора, которыя онъ предположилъ примѣнить къ своему труду, какъ нѣчто болѣе совершенное. „Приступая къ описанію того, что сохранила людская память и мертвыя рукописи и книги о святителѣ Іоасафѣ, гов. авторъ, мы воздержимся отъ самомнѣнія, что мы поймемъ и *можемъ понять его душу...* мы только скромно попробуемъ *глянуть на то, что можемъ видѣть въ исторической ночи, попробуемъ начертать больше вѣжливый его силуэтъ, разглядѣть по внѣшнему виду того, кто былъ храмомъ Св. Духа*“ (XVI стр.). И скажемъ откровенно, что авторъ остался вполнѣ вѣренъ себѣ: онъ кажется даже и не дѣлалъ попытки понять душу Святителя, а все и смотрѣлъ въ историческую ночь, которая для него дѣйствительно темна и осталась бы темна, если бы на нее не пролили свѣта тѣ многочисленныя произведенія нашихъ ученыхъ изслѣдователей о эпохѣ жизни Св. Іоасафа въ ея церковной и политической сторонѣ, и особенно огромный матеріалъ о личности Свят. Іоасафа, который собранъ и изданъ кн. Жеваховымъ. Мы и оцѣниваемъ и можемъ оцѣнивать трудъ автора только съ этой исключительно точки зрѣнія собраннаго имъ историческаго матеріала, построенія, того историческаго фона и перспективы, на которыхъ появляется и дѣйствуетъ среди другихъ дѣятелей церковныхъ и личность Св. Іоасафа. Къ личности Святителя Іоасафа и его біографіи, выразимся такъ, стянуто все, относящееся въ этотъ періодъ къ государственной и церковной жизни. Но развѣ *Св. Іоасафъ центральная фигура этой эпохи въ ея политической и церковной сферѣ, развѣ онъ на все это имѣлъ вліяніе и со всемъ этимъ связанъ особенно какъ нибудь, а не такъ же, какъ и всякій другой его современникъ?* Всякій фактъ изъ жизни Святителя Іоасафа даетъ автору поводъ пускаться въ историческія церковно-политическія экскурсіи, а не касаться его постольку, поскольку онъ могъ выяснять личность Святителя въ ея типичности и опредѣленности ея облика. Личность-то Святителя сама по себѣ и осталась у автора не раскрытой: что въ ней главное, характерное, особенное и основное. Вѣдь и тема требовала создать или возсоздать образъ Св. Іоасафа какъ Пастыря. Это автору не удалось въ достаточной мѣрѣ именно благодаря принятому имъ методу

и старанію прояснить темноту исторической ночи, которая темнѣе или свѣтлѣе конечно въ зависимости отъ освѣдомленности каждаго въ прошломъ нашей русской жизни. Авторъ предположилъ, что всѣ такъ же видятъ въ этой исторической дали, какъ и онъ, т. е. плохо. Методъ автора можетъ быть примѣненъ рѣшительно ко всякому человѣку, даже и не извѣстному, и можетъ получиться солидное изслѣдованіе. Вѣдь можно даже о самомъ авторѣ сочиненія написать громадный трудъ, перетряхивая и подтягивая всю современную ему исторію государственной и церковной жизни. Святитель Іоасафъ фигура и личность не общественная и государственная, а скромная личность пастыря Христова, личность великая *въ своемъ родѣ*, въ своемъ духѣ и типѣ и это гл. обр. нужно было ставить задачей труда.

Къ чему напр. авторъ, говоря о происхожденіи и воспитаніи Св. Іоасафа (1 гл.), подробно говоритъ о Малороссіи, о событіяхъ военныхъ; о Кіевскихъ митрополитахъ, о преемникахъ патріарха Адріана, о разныхъ распоряженіяхъ по церковнымъ дѣламъ, напр. объ изгнаніи іезуитовъ, о подготовкѣ къ секуляризаціи церк. имуществъ; подробно говоритъ не только о ректорахъ Кіевской Академіи, гдѣ учился Св. Іоасафъ, но трактуетъ подробно о методахъ богословствованія; перечисляетъ родословное древо Свят. Іоасафа: его бабки, дѣда, отца, матери; много говоритъ о консисторіяхъ и ихъ устройствѣ; а, напр. о годѣ рожденія Св. Іоасафа прямо не говоритъ. И все здѣсь является не случайнымъ предметомъ рѣчи, попутнымъ и взятымъ въ такой постановкѣ, что является необходимымъ для освѣщенія личности Св. Іоасафа, а просто грузомъ, которымъ авторъ думаетъ придать вѣсъ своей работѣ и который перетягиваетъ и затушевываетъ главное въ его работѣ.

Все это характерное въ самомъ началѣ его работы въ I-й главѣ, присуще и всей дальнѣйшей его работѣ въ остальныхъ VII главахъ. Авторъ, указывая мѣста служенія Св. Іоасафа, говоритъ и о томъ, что связано съ этимъ мѣстомъ или что можно вспомнить по поводу этого мѣста изъ исторіи церк. и госуд. жизни независимо отъ того былъ-ли даже здѣсь Св. Іоасафъ. Напр. авторъ очень подробно говоритъ о Лубенскомъ Межигорскомъ монастырѣ, гдѣ служилъ Святи-

тель; но матеріаль такой, что его можно приводить и въ томъ случаѣ, если-бы кто сталъ писать біографію келейника или повара Св. Іоасафа. Автору присуць отчасти поэтическій талантъ, посему онъ увлекается описаніемъ малороссійскихъ степей.

Самое важное для выясненія личности Св. Іоасафа это конечно служеніе его въ Бѣлгородѣ въ санѣ Епископа (V гл.). Но и здѣсь больше у автора свѣдѣнія объ епархіи, ея составѣ, населеніи, колонизаціи, громадныя—цѣлыми страницами—выдержки изъ соч. проф. Знаменскаго по вопросу о выборномъ на Руси духовенствѣ (10 страницъ), о Харьковскомъ Коллегіумѣ.

Въ VI гл. сочиненія цѣликомъ приведены сочиненіе Св. Іоасафа: „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертными“ и его проповѣдь на 25-ю недѣлю (одна проповѣдь съ 375—385 стр.).

Въ VII гл. сочиненія цѣликомъ указы Св. Іоасафа, иногда довольно большіе.

Искупаютъ всѣ эти недочеты автора нѣсколько 7-я часть 5-й гл., гдѣ авторъ, говоря о духовномъ подвижничествѣ Св. Іоасафа, все-же нѣсколько рисуетъ намъ личность Святителя и дѣлаетъ ее понятной и живой въ ея духовномъ обликѣ. А вѣдь въ сочиненіи автора есть случаи, которые давали ему возможность ярче обрисовать духовный обликъ Святителя.

На стр. 235 указывается отношеніе Св. Іоасафа къ лютеранству, о коемъ онъ говоритъ не иначе какъ „проклятый матеріализмъ“. Почему бы не указать въ Святителѣ ярко выраженный типъ православія; или яркій типъ „народолюбца“ въ христіански-идеальномъ смыслѣ этого слова. Едва-ли Св. Іоасафъ такъ относился къ идеямъ Дух. Регламента, какъ представляетъ авторъ (259 стр.). А что касается суровости Св. Іоасафа, такъ соблазняющей многихъ, то автору нужно было выводить ее изъ нравственнаго облика Святителя и въ его гармоніи искать объясненія этой суровости и примиренія съ ней, а не въ современномъ характерѣ жизни и уровнѣ развитія русскихъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Последнее конечно легче, и авторъ беретъ на себя только трудъ цѣлыми страницами выписывать относящееся сюда изъ соч. Ключевскаго и Филиппова (соч. „О наказаніяхъ по законод. Петра В. въ связи съ реформою“). Неужели-же Св. Іоасафъ дѣйствовалъ

только по формальному праву (см. стр. 415), а не по моральному гл. образомъ?

Скажемъ прямо, что авторъ увлекся методомъ своей работы и ступеваль личность Святителя, утопилъ ее въ массѣ внѣшняго матеріала.

Нужно ему отдать должное: онъ весьма добросовѣстно собралъ этотъ матеріалъ, проштудировалъ массу пособій и всякому читателю даетъ возможность обстоятельно познакомиться съ эпохой, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Св. Іоасафъ и съ жизнью и дѣятельностью самого Святителя, поскольку она проявилась въ его дѣятельности и оставшихся послѣ него официальныхъ бумагахъ административнаго характера по преимуществу и отчасти пастырски-учительнаго.

Степени кандидата богословія авторъ настоящаго сочиненія заслуживаетъ“.

б) Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостына*:

„О Бѣлгородскомъ святителѣ Іоасафѣ Горленко имѣется уже довольно обширная литература: собраны и изданы многочисленные матеріалы и документы, имѣющіе важное значеніе для біографіи и характеристики святителя,—есть немало и специальныхъ очерковъ жизни и дѣятельности его (въ духовныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ). Все это о. Борисовъ перечиталъ и изучилъ очень внимательно, при чемъ различныя событія въ жизни свят. Іоасафа старался понять и объяснить непременно въ связи съ событіями современной ему русской исторіи. Оттого сочиненіе его вышло велико по внѣшнимъ размѣрамъ (стр. XVIII+455 in folio), и въ самомъ содержаніи своемъ изобилуетъ множествомъ подробностей, не всегда имѣющихъ прямое отношеніе къ личности святителя Іоасафа.

Такихъ экскурсовъ обще-историческаго характера особенно много встрѣчается въ первыхъ четырехъ главахъ сочиненія, содержащихъ біографію св. Іоасафа до возведенія его въ санъ епископа Бѣлгородскаго.

Наиболѣе содержательной и интересной частью сочиненія представляются послѣднія четыре главы, изображающія жизнь и архипастырскую дѣятельность святителя въ Бѣлгородской епархіи, обрисовывающія его какъ проповѣдника и адми-

нистратора и заканчивающіяся общей характеристикой его личности.

Для степени кандидата богословія трудъ о. Борисова долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ“.

3) О сочиненіи студента *Венустова Александра* на тему: „Старчество въ древнихъ русскихъ монастыряхъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Для отвѣта на поставленный вопросъ авторъ задался цѣлью собрать возможно обильный матеріаль и перечиталъ почти все древне-русскія житія подвижниковъ не только изданныя, но и въ рукописяхъ академической и лаврской бібліотекъ. Добытый такимъ образомъ матеріаль расположенъ по монастырямъ въ хронологическомъ и топографическомъ порядкѣ. Выводы и обобщенія изъ данныхъ, приведенныхъ въ главной части труда, сдѣланы въ концѣ сочиненія. Они слѣдующіе. Въ русскихъ монастыряхъ старчество не было такимъ общимъ и распространеннымъ явленіемъ, какъ на востокѣ. Очень рѣдки указанія на исповѣдь помысловъ старцамъ. Съ паденіемъ монашескихъ нравовъ старчество естественно падаетъ. Ко времени Нила Сорскаго старческой путь былъ многимъ ненавистенъ. Въ XVI стол. старчество существовало какъ случайное, отрывочное, наносное явленіе, притомъ не въ формѣ строго организованной: не встрѣчаемъ вѣрности разъ избранному старцу, сожительства старца и ученика въ одной кельѣ, свободы выбора старца ученикомъ, безусловнаго владычества надъ душою послушника, и замѣстительства на судъ правды Божіей по отношенію къ послушнику, вообще не встрѣчаемъ возвышеннаго представленія о служеніи старца.

Нельзя не похвалить автора за самоотверженный трудъ въ изученіи житійной литературы и за собраніе ряда данныхъ по вопросу, совершенно незатронутому въ литературѣ. Но противъ его плана можно возразить: извѣстія о старцествѣ, расположенныя по монастырямъ, а не подобранныя по смыслу сообщаемыхъ свѣдѣній много теряютъ въ своей выразительности. Наиболѣе яркія данныя въ этомъ родѣ, напр. преданіе нѣкоего старца ученикомъ своимъ, напечатанное г. Серебрянскимъ—памятникъ появившійся въ Павло-

Обнорскомъ монастырѣ, или предписанія преп. Нила Сорскаго въ изложеніи г. Венустова получаютъ очень блѣдный и частный видъ. Поэтому, не отрицая значенія за такимъ хронологическимъ и топографическимъ обзоромъ (который можно бы сдѣлать короче), мы считали бы прямо необходимымъ связанный трактатъ о разныхъ сторонахъ старческаго института въ монастыряхъ древней Руси.

Помимо этого надо указать и слѣдующіе пробѣлы. Авторъ порой толкуетъ въ своемъ спеціальному смыслѣ общій терминъ „старець“ (—монахъ стр. 222—23), относится безъ всякой критики къ показаніямъ житій, давно уже критически разобраннымъ (Антонія Римлянина, Аврамія Ростовскаго), считаетъ какъ будто подлиннымъ уставъ Варлаама Хутынскаго, приводимый у Герберштейна.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Венустова, обнаруживающее рѣдкое трудолюбіе автора и содержащее цѣнныя данныя по изученному вопросу, надо признать вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Въ началѣ своего сочиненія г. Венустовъ перечисляетъ свои источники и пособія. Изъ этого перечня видно, что имъ использована не только литература, предмета, но и всѣ важнѣйшіе первоисточники, главнымъ образомъ житія русскихъ святыхъ, какъ изданныя такъ и сохранившіяся въ рукописныхъ сборникахъ. Самое изложеніе добытыхъ матеріаловъ убѣждаетъ въ томъ, что авторъ дѣйствительно и съ большой тщательностью изучилъ всѣ перечисленные имъ источники и пособія. Это требовало отъ него большого трудолюбія и усидчивости. Обильный матеріалъ, добытый путемъ анализа источниковъ, авторъ излагаетъ въ цѣломъ рядѣ трактатовъ объ отдѣльныхъ монастыряхъ. Въ этомъ лежитъ главный недостатокъ сочиненія, такъ какъ при подобномъ способѣ изложенія собранные авторомъ факты разсѣиваются и не даютъ общей картины старчества на Руси. Впрочемъ этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени уравновѣшивается заключительной главой, въ которой авторъ обобщаетъ все изложенное ранѣе. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

4) О сочиненіи студента священника *Виноградова Николая* на тему: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“.

а) И. д. доцента Академіи священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Держась обычнаго плана, о. Николай Виноградовъ въ первой (исагогической) части своего изслѣдованія трактуетъ объ имени и личности пр. Аггея, о социальномъ-политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи іудеевъ въ годы непосредственно слѣдующіе за окончаніемъ Вавилонскаго плѣна, о содержаніи и цѣли написанія книги, объ особенностяхъ ея изложенія, подлинности и каноническомъ достоинствѣ. Во второй (экзегетической) части онъ комментируетъ книгу пр. Аггея, раздѣливъ первую главу на два, а вторую на три отдѣла. Истолкованіе каждаго отдѣла предваряется краткимъ вступленіемъ; затѣмъ авторъ выписываетъ одинъ или два стиха пророческой книги по Синодальному переводу и обстоятельно изъясняетъ ихъ, опираясь на святоотеческіе и позднѣйшіе авторитетные комментаріи, нерѣдко вступая въ полемику съ представителями отрицательно-критическаго направленія; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дается грамматическое истолкованіе отдѣльныхъ словъ и выраженій подлинника и приводятся параллельно соотвѣтствующія выраженія важнѣйшихъ переводовъ.

Въ своей работѣ авторъ обнаружилъ близкое знакомство съ библейскимъ текстомъ вообще: имъ обильно приводятся параллели къ книгѣ пр. Аггея изъ всѣхъ библейскихъ книгъ; при выясненіи смысла того или другого подлиннаго выраженія онъ также дѣлаетъ многочисленныя ссылки на другія священныя книги, въ которыхъ употреблено данное выраженіе. При написаніи сочиненія использовано огромное количество пособій: комментаріи святоотеческіе и позднѣйшіе на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; а для первой части—большое число пособій историческаго содержанія. Конечно, можно въ этомъ отношеніи указать и пробѣлы: авторъ не использовалъ, напр., толкованій на пр. Аггея *Феодора Мопсуестійскаго*, *Кальвина* и другихъ извѣстныхъ западныхъ комментаторовъ, преимущественно прежняго времени; совсѣмъ не обращался онъ и къ англійскимъ комментаторамъ малыхъ пророковъ, каковы: *Pusey, Smith, Farr-*

gar, Eiselen, Perowne, Maclaren и др. Но обстоятельнаго изученія западной литературы по любому вопросу библиологиче- ского въ теченіе одного года и при условіи выполненія другихъ студенческихъ обязанностей нельзя и требовать.

Въ своихъ сужденіяхъ авторъ всюду основателенъ и послѣдователенъ, всюду стремится исчерпать вопросъ до конца. Къ пособіямъ относится критически; хотя, необходимо замѣтить, иногда, безъ особой нужды, полемизируетъ съ отрицателями тамъ, гдѣ можно бы ихъ сужденія оставить безъ возраженій (см. стр. 117 и слѣд., стр. 121). Разборъ подлинныхъ выраженій дается обстоятельный—при пособіи авторитетныхъ лексическихъ и грамматическихъ руководствъ и библейской симфоніи. Изрѣдка, впрочемъ, авторъ отступаетъ отъ этого порядка и, напр. на стр. 152—153, выясняя значеніе словъ: רַב־שׁוֹרֵר и רַב־רִי , довольствуется ссылками на комментаторовъ (ср. стр. 365—366).

О. Виноградовъ добросовѣстно изучилъ обширный матеріалъ, бывший у него подъ руками, и тщательно его обработалъ; а по чистотѣ и правильности языка рецензируемое сочиненіе, въ ряду кандидатскихъ работъ, представляетъ, безъ сомнѣнія, явленіе не частое.

Признавая высокое достоинство сочиненія о. Виноградова, рецензентъ не можетъ, однако, обойти молчаніемъ и его недостатковъ—по большей части, впрочемъ, несущественныхъ. Въ сочиненіи немало обширныхъ выписокъ изъ пособій (стр. 5—7, 156—157, 244—245, 280—282 и др.); въ немъ вообще велико количество цитатъ, иногда совершенно лиш- нихъ; автору чаще слѣдовало бы говорить отъ себя и сво- ими словами. Нерѣдко онъ, безъ всякой нужды, заимству- етъ цитаты изъ вторыхъ рукъ, безъ провѣрки (стр. 42—44, 54, 156—157, 289 и др.). Далѣе: въ разсматриваемомъ сочи- неніи не замѣчается соответствія между основнымъ текстомъ и примѣчаніями; есть страницы, гдѣ для текста не остается ни одной строки. Напр., о Зоровавелѣ и Шешбацарѣ умѣст- нѣе было бы подробно трактовать въ особомъ приложеніи, а не въ такомъ несоразмѣрно обширномъ примѣчаніи, зани- мающемъ около 11 страницъ (52—62, см. также стр. 114—120); или же слѣдовало, значительно сокративъ, помѣстить его въ текстъ. Наоборотъ, свѣдѣніямъ о мѣсяцахъ еврейскаго года мѣсто не въ текстъ, а въ примѣчаніи (стр. 174).

Въ сочиненіи есть замѣчанія, безъ которыхъ удобно было бы обойтись; съ другой стороны, не достаетъ разъясненій тамъ, гдѣ они необходимы. Есть въ сочиненіи положенія недостаточно обоснованныя, заявленія голословныя, утвержденія ошибочныя. На стр. 201 авторъ считаетъ нужнымъ объяснить, со ссылкой на еврейскую грамматику, что такое *constructio ad sensum*; между тѣмъ, согласованіе по смыслу свойственно и европейскимъ языкамъ и извѣстно всякому, изучившему элементарную русскую грамматику. Въ примѣчаніи на стр. 204 онъ рассуждаетъ: „Д предъ הוּ—не членъ, а вопросительная частица“... Это замѣчаніе совершенно излишне, потому что членъ предъ הוּ имѣлъ бы иную вокализацию. Еврейскія выраженія: הוּ-הוּ (стр. 195), הוּ הוּ הוּ (стр. 207), הוּ הוּ и др. (стр. 211) требовали болѣе обстоятельнаго разъясненія, на основаніи лексическихъ и грамматическихъ пособій. Возражая французскому изслѣдователю книги пр. Агея André, доказывающему неподлинность Агг. 2, 10—19 на основаніи, между прочимъ, различія въ словоупотребленіи въ этомъ отдѣлѣ и въ остальныхъ частяхъ книги, о. Виноградовъ беретъ только два примѣра, при чемъ по поводу одного лишь упрекаетъ André за то, что онъ приводитъ этотъ же примѣръ въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія; второй примѣръ касается собственно не столько языка пророческой книги, сколько ея содержанія; объ остальныхъ одиннадцати случаяхъ, приведенныхъ у André, авторъ только замѣчаетъ: „не болѣе удачны и другіе примѣры“: между тѣмъ эти примѣры показываютъ, что „одни и тѣ же предметы носятъ разныя названія у Аггея и автора фрагмента“; здѣсь необходимо подробный разборъ приведенныхъ примѣровъ, и совершенно недостаточно голословнаго заявленія (стр. 155—156 и 137—138). На стр. 95 авторъ ссылается на Зах. 11, 3 для доказательства того, что „общество страдало отъ нападенія дикихъ звѣрей“: изъ текста этого совсѣмъ не видно. Также неудачна ссылка на Зах. 7, 5—6 на стр. 115. На стр. 161 о. Виноградовъ приводитъ рассужденіе г. Тюрина: „рѣчи всѣхъ пророковъ, какія бы бѣдствія ни предвѣщались послѣдними *избранному народу*, далеко не представляютъ изъ себя чего-либо подобнаго тому свитку Іезекиіля, на которомъ было написано только „рыданіе, стонъ и горе“ (2, 10); напротивъ, пророкамъ было свойственно умѣ-

рять печальное радостнымъ и дѣйствовать на умы слушателей не только страхомъ грядущихъ золь и несчастій, но и возбужденіемъ надежды на лучшее будущее“. Нашъ авторъ находитъ позволительнымъ „сомнѣваться въ томъ, что обѣщаніе будущихъ благъ было обычнымъ заключеніемъ обличительныхъ пророческихъ рѣчей“ и, въ качествѣ примѣровъ, подтверждающихъ основательность его сомнѣнія, ссылается „на рѣчи Іезекіиля: „князю Тирскому“ (28 гл.), фараону (29—30 гл.)“. „Эти рѣчи вовсе лишены какого-либо славнаго обѣщанія“, замѣчаетъ онъ (стр. 161 и прим.). На стр. 197 פַּרְוֹתָו переведено чрезъ „къ дому“; по замѣчанію на стр. 184, לְשׂוֹאֵלָיו значитъ „испрошенный у Бога“. Наконецъ, продолжительность работъ по возсозданію храма опредѣляется невѣрно—въ три съ половиною года (стр. 389).

Со стороны изложенія, сочиненіе, какъ замѣчено выше, вообще не страдаетъ обычными недостатками кандидатскихъ работъ: непослѣдовательностью въ развитіи мыслей, повтореніями, недомолвками, противорѣчіями, грубостью языка, обиліемъ иностранныхъ словъ, погрѣшностями противъ орфографіи. Но нѣкоторыя частности можно поставить на видъ автору и въ данномъ отношеніи. На стр. 129 слову „лингвистика“ придано неподходящее значеніе; на стр. 151 вм. выраженія: „основаніемъ для признанія неподлинности“ слѣдовало употребить: „для отрицанія единства“; такъ какъ оспаривается принадлежность пр. Аггею только небольшого отдѣла книги его имени. Лат. dictio, по мнѣнію о. Виноградова, въ нѣм. (Diction) и русск. (дикція) имѣетъ тождественное значеніе (стр. 128); а поручителемъ называется тотъ, кто *даетъ* порученіе (стр. 244, 246). Неудобныя выраженія встрѣчаемъ на стр. 125, 273, 340, 351, 364.

Знаніе языковъ: еврейскаго, классическихъ, нѣмецкаго и французскаго авторъ обнаружилъ вполне достаточное. Однако, нѣкоторыя мелочи даютъ право подозрѣвать, что онъ не съ давняго времени и не постоянно имѣетъ дѣло съ книгами на иностранныхъ языкахъ. Во французскомъ онъ безразлично употребляетъ accent aigu и accent grave (пишетъ, напр., иногда: Andrè, Aggeè); то же нужно сказать относительно нѣмецкихъ твердыхъ и смягченныхъ (Umlaute) гласныхъ: Kohler вм. Köhler (стр. 356, 385), Dienstverhältnisse (стр. 244), Ausdrück (стр. 222). У него встрѣчаемъ: zu den

Ende (стр. 127), ἀγγελους (стр. 246). per manu (стр. 173), πω, πω (стр. 229), πωπω (стр. 287), πωπω (стр. 353). Указывая на эти мелкіе недочеты, необходимо признать, что грубых промаховъ въ этомъ отношеніи въ сочиненіи не замѣчено: отъ этого автора спасли основательное изученіе предмета, постоянная внимательность и осторожность.

Въ еврейской графיקѣ авторъ не имѣетъ надлежащей опытности.

Всѣ изложенные недочеты несущественны и легко устранимы; имѣя же въ виду выдающіяся достоинства сочиненія, рецензентъ не только признаетъ о. Виноградова вполне достойнымъ искомой степени, но и долгомъ считаетъ рекомендовать его трудъ особому вниманію Совѣта“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тартева*:

„Скромная по приемамъ, добросовѣстная—въ мѣру авторскихъ силъ—по исполненію и литературная по изложенію, кандидатская работа свящ. Н. Виноградова можетъ быть признана соотвѣтствующею своему назначенію“.

5) О сочиненіи студента *Владиславлева Владимира* на тему: „Бесѣда Господа о хлѣбѣ жизни (Іоан. VI глава)“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Занятое послѣдовательнымъ толкованіемъ шестой главы евангелія Іоанна, сочиненіе г. Владиславлева есть плодъ внимательнаго изученія и широкаго использованія всѣхъ главнѣйшихъ, относящихся къ предмету, пособій, какъ древнеотеческихъ: Оригенъ, Ефремъ Сиринъ, Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Августинъ, Іеронимъ, Ноннъ, Максимъ Исповѣдникъ, Исидоръ Пелусіотъ, Зигабенъ, Теофилактъ, Катены,—такъ и новѣйшихъ,—иностранныхъ — по текстологіи: Тишендорфъ, филологіи: грамматики Винера и Блясса, лексиконы Гримма и Ширлитуга,—по іудейскимъ воззрѣніямъ: Ветштейнъ, Ляйтфутъ, Вюнше, Веберъ, Шюреръ, Гамбургеръ и др.,—спеціально по экзегесу: Люкке, Генгстенбергъ, Лютардтъ, Ольсгаузенъ—Ебрардъ, Штирль, Небе, Кнабенбауеръ, Гольтумоннъ, Мейеръ—Вейссъ, Кейль, Годэ,—общей новозавѣтной исторіи: Неандеръ, Вейссъ. Нёсенъ, Ебрардъ и др.,—новозавѣтной теологіи: Кремеръ (Библейско-богословскій сло-

варь къ Новому Завѣту) и др.,—и русскихъ: Михайль, Властовъ, Тренчъ, Матвѣевскій, Гладковъ, Горскій, Гейки, Эдершемъ, Фарраръ, Прессансе, Смирновъ и др. Весь этотъ обширный и разнообразный матеріалъ авторъ весьма умѣло примѣнилъ къ всестороннему истолкованію данной главы въ строго православномъ духѣ. И такъ какъ глава имѣетъ преимущественно богословско-таинственное содержаніе, какъ и все вообще евангеліе Іоанна, то вниманіе автора исключительно сосредоточено на выясненіи какъ внутренно-психологической и логической связи раскрываемыхъ здѣсь идей, такъ и еще болѣе на всестороннемъ выясненіи самыхъ этихъ богословскихъ понятій—истины, жизни, воскресенія, таинственнаго питанія вѣрующихъ Небеснымъ Хлѣбомъ Жизни и др. Эта сторона бесѣды Господа нерѣдко у автора очень удачно и ярко освѣщается изъ контраста съ іудейско-раввинскими теологическими воззрѣніями и нравственно-религіозными идеалами. Большую помощь оказываютъ здѣсь автору и новѣйшія иностранныя и инославныя работы филологическія по Новому Завѣту. Но главное достоинство и вѣсь этимъ разсужденіямъ автора даютъ обильныя и превосходныя выдержки изъ Августина, Златоуста и особенно Кирилла Александрійскаго, коихъ глубокомысленныя изъясненія таинственно-созерцательной и нравственно-религіозной стороны Іоаннова Евангелія стоятъ на неизмѣримой высотѣ надъ всѣми новѣйшими работами какъ иностранныхъ такъ и русскихъ богослововъ. Недостатки труда г. Владиславлева: чрезмѣрное обиліе выдержекъ изъ иностранныхъ пособій, главнымъ образомъ изъ Годз,—недостаточная выясненность нѣкоторыхъ понятій—вѣры, вѣка, Сына Человѣческаго и др.—неумѣренное увлеченіе Августиномъ (стр. 249—261),—слабость выясненія вопроса объ избраніи Спасителемъ Іуды предателя въ число двѣнадцати апостоловъ,—большіихъ подробностей можно пожелать о личности Ап. Петра и его исповѣданіи,—невѣрно утвержденіе, будто іудеи боготворили Моисея (стр. 140—142),—и наконецъ нецѣлостности въ стилѣ: употребленіе имени Іисусъ отзывается иностранщиною,—„жизнеобильное богатство“ (стр. 426),—„трагическимъ замѣчаніемъ Евангелистъ Іоаннъ заключаетъ свое повѣствованіе о кризисѣ вѣры въ Галилеѣ, какой произвела рѣчь Христа, произнесенная въ синагогальномъ собраніи въ Капернаумѣ“

(изъ Года), и другія, помѣченныя мною на тетради. Но всѣ эти, частныя и легко исправимыя, недостатки труда г. Владиславлева не препятствуютъ ему быть не только вполне достойнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ, но и, по исправленіи и дополненіи, дать, въ качествѣ магистерской диссертации, потребный и серьезный вкладъ въ русскую богословско-экзегетическую литературу по Новому Завету“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Обширное изслѣдованіе г. Владиславлева, представляющее изъ себя послѣдовательное истолкованіе 6-й главы евангелія Іоанна, должно быть отнесено къ разряду обстоятельныхъ кандидатскихъ работъ. Предпосылаемый его работѣ общій перечень святоотеческихъ твореній, русской и иностранной литературы свидѣтельствуетъ объ авторѣ, какъ о серьезномъ работникѣ, который съ похвальнымъ усердіемъ изучалъ литературу своего вопроса.

Такъ какъ всестороннее истолкованіе 6-й главы евангелія Іоанна обязывало автора, въ цѣляхъ раскрытія ея богатаго богословско-мистическаго содержанія, выяснять съ особою тщательностію богословскія понятія, напримѣръ, воскресенія, жизни, питанія небеснымъ хлѣбомъ, то авторъ вынужденъ былъ обратить вниманіе не только на идейное содержаніе 6-й главы, но также на текстологию и филологию ея, безъ чего невозможно было уяснить и подлинную сущность его вопроса. Это и сдѣлалъ авторъ, не только знакомившійся съ нужными ему—и, нужно замѣтить, лучшими—пособіями, но и изучавшій ихъ. При этомъ въ сочиненіи автора обращаетъ вниманіе рецензента то обстоятельство, что онъ, какъ православный экзегетъ, въ своихъ сужденіяхъ почти всегда опирается на святоотеческій авторитетъ и особенно на глубокія сужденія Кирилла Александрійскаго и св. Златоуста.

Правда, знакомство автора съ иностранными учеными дѣлаетъ его невольнымъ данникомъ ихъ. Онъ усваиваетъ, иногда, ихъ, не всегда точную, терминологию и обороты рѣчи. Но этотъ недостатокъ, извинительный въ первой обстоятельной и серьезной работѣ, будетъ исправленъ имъ, несомнѣнно, если онъ приложитъ усердіе къ дополнительной разработкѣ своего изслѣдованія, которое, при послѣднемъ условіи, мо-

жетъ дать ему право и на получение слѣдующей ученой степени.

Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

6) О сочиненіи студента *Гиляревскаго Андрея* на тему: „Русская церковь XVI столѣтія въ изображеніи барона Герберштейна“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Свою задачу авторъ представляетъ такимъ образомъ: привести церковно-историческія свѣдѣнія, содержащіяся въ Запискахъ Герберштейна, и разобрать ихъ чрезъ сопоставленіе съ русскими памятниками той эпохи—частіе: установить степень достовѣрности данныхъ Герберштейна о русской церкви на основаніи русскихъ письменныхъ памятниковъ, съ другой стороны на основаніи нѣкоторыхъ сообщений иностранца опредѣлить степень достовѣрности извѣстій, находящихся въ нашихъ памятникахъ; объяснить происхождение нѣкоторыхъ недостовѣрныхъ данныхъ въ „Запискахъ о Московитскихъ дѣлахъ“. Для отчетливости въ оцѣнкѣ извѣстій Герберштейна авторъ сопоставляетъ ихъ съ данными, которыя имѣются о русской церкви у его предшественниковъ—иностранцевъ, писавшихъ о Россіи.

Свое обозрѣніе авторъ ведетъ въ такомъ порядкѣ: 1) Чинъ вѣнчанія на царство Димитрія, внука Іоанна III въ описаніи Герберштейна. 2) Извѣстія Герберштейна о нашей высшей церковной іерархіи, бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ. 3) Памятники древне-русской письменности, переведенные Герберштейномъ на латинскій и нѣмецкій языки. 4) Извѣстія о частномъ богослуженіи въ русской церкви; совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ, праздники, посты. 5) Данныя въ Запискахъ Герберштейна о религіозно-нравственномъ состояніи общества въ XVI в.

Сочиненіе г. Гиляревскаго даетъ довольно обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Любопытныя извѣстія, сообщенныя барономъ Герберштейномъ о русской церкви въ княженіе Василя III, разобраны детально и сопоставлены съ русскими памятниками того времени, съ которыми авторъ знакомился то непосредственно, то при помощи научной литературы. Тщательно разобраны и сопоставлены тексты древне-

русскихъ памятниковъ, приводимыхъ барономъ Герберштейномъ: Посланіе митроп. Іоанна II, его Правило, Вопросаніе Кирика. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ обычнаго недостатка начинающихъ ученыхъ нашей школы—скудости познаній внѣ узкой сферы своего вопроса, и потому дѣлаетъ рядъ промаховъ или прямыхъ ошибокъ. Онъ не знаетъ случаевъ вступленія во второй бракъ вдовыхъ священниковъ (96), тогда какъ примѣры извѣстны (Іовъ псковскій, противникъ преп. Евфросина); какъ особенность въ положеніи новгородскаго епископа отмѣчаетъ то, что у него былъ свой судъ (стр. 89); думаетъ, что уставъ Владимира дѣйствовалъ въ продолженіе 7—вѣкового періода, т. е. относитъ его происхожденіе къ концу X—нач. XI вв. (214) и под. Авторъ просмотрѣлъ указаніе проф. Бенешевича на новыи греческій списокъ, Правила митр. Іоанна II (Рус. И. Б. VI-2 стр. 322, счетъ 2-ой) и ведетъ свои сужденія о греческомъ подлинникѣ Правила лишь по тѣмъ выводамъ, какіе сдѣлалъ покойный Павловъ (см. 157, 159, 182).

Замѣчанія г. Гиляревскаго о показаніяхъ Герберштейна въ общемъ дѣльны и содержательны. Но изрѣдка встрѣчаются ряды фразъ, ничего не говорящихъ по существу, напр. о почитаніи русскими святителя Николая (263). Бываютъ случаи, когда, передавъ извѣстіе иностранца, г. Гиляревскій только скользитъ по немъ, не углубляясь и не давая отчета въ значеніи сообщеннаго наблюденія, напр. упомянувъ о преимуществахъ новгородскихъ и псковскихъ правовъ сравнительно съ московскими въ нач. XVI в. (стр. 334), авторъ не потрудился выяснитъ причину этой разницы изъ общихъ политическихъ условій, которыми воспитываются нравы.

Языкъ автора въ общемъ правильный и точный, но встрѣчаются иногда не совсѣмъ складныя выраженія: Свѣдѣнія Фабра... не даютъ свѣдѣній (стр. 45); русскіе были полны самомнѣній и превозношеній (стр. 283); Герберштейнъ „обладалъ проницательностью... хотя и не могъ похвалиться вѣрнымъ чутьемъ условій“ (294).

Однако отмѣченные промахи немногочисленны, и работу г. Гиляревскаго надо признать совершенно удовлетворительной для степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *А. Ш. Орлова*:

„Задачу своего сочинения г. Гиляревский полагает „въ томъ, чтобы привести“ заключающіяся въ трактатъ барона Герберштейна: *Regim moscoviticarum commentarii* „церковно-историческія свѣдѣнія и разобрать ихъ черезъ сопоставленіе съ русскими памятниками той эпохи“ (XIX стр.). Авторъ справляется со своей задачей съ достаточнымъ успѣхомъ. Его работа производитъ впечатлѣніе безпретензіозно, но добросовѣстно и аккуратно написаннаго очерка. Раздѣливъ заключающійся въ трактатъ Герберштейна церковно-историческій матеріалъ на 5 главъ, авторъ ко всѣмъ сообщеніямъ Герберштейна даетъ сжатый, но документально-обоснованный комментарий Съ нѣкоторыми частными сужденіями автора, впрочемъ, согласиться трудно. Напр., авторъ, не подтверждая своего сужденія никакими историческими свѣдѣтельствами, высказываетъ, будто причиной нерадиваго отношенія русскихъ престолюдиновъ 16 в. къ исповѣди, по сравненію съ лицами высшихъ круговъ тогдашняго общества, было ихъ убѣжденіе, что „для послѣднихъ частая исповѣдь и постъ, очевидно, обязательны, такъ какъ ихъ привольная жизнь создаетъ гораздо болѣе поводовъ ко грѣху“ (стр. 247). Не прощели отмѣченное явленіе объяснить различіемъ въ общемъ уровнѣ религіозно-церковной культуры въ высшихъ и низшихъ классахъ русскаго общества 16 вѣка? Съ вишней стороны работа г. Гиляревскаго хотя не блещетъ литературной отдѣлкой, но въ общемъ написана слогомъ яснымъ; неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко (стр. XIII, 58, 111, 137—8, 143, 177, 283, 285, 298, 303). Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

7) О сочиненіи студента *Гиацинтова Василія* на тему: „Субъектъ трансцендентальный и субъектъ эмпирический“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Какая проблема дала ближайшимъ образомъ толчекъ къ развитію ученія о двойственности?“—спрашиваетъ себя въ „Заключеніи“ своего сочиненія г. Гиацинтовъ, осозная идею и планъ всей своей работы. На поставленный себѣ вопросъ онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ и всегда въ исторіи философствующей мысли такимъ толчкомъ явилась

проблема аксіологическая, т. е. о смыслѣ и цѣнности жизни,—о достойномъ существованіи, о благѣ. Это съ несомнѣнностью мы видѣли въ главѣ о Спинозѣ. Уже самый вопросъ, какое существованіе достойно человѣка, можетъ удовлетворить основнымъ его запросамъ, показываетъ, что эмпирическая наличность признается недостаточной. И слѣдовательно, если вообще аксіологическая проблема допускаетъ положительное рѣшеніе, то тѣмъ самымъ мы вынуждаемся а priori утверждать существованіе чего-то сверхъ-эмпирическаго, и, притомъ, признаемъ себя неразрывно связаннымъ съ нимъ. Иными словами, ученіе о двойственности человѣческой природы, ученіе о томъ что въ насъ помимо эмпирической поверхности есть еще какая-то глубина,—беря это ученіе въ наиболѣе общей формѣ,—есть непремѣнная предпосылка аксіологіи. вмѣстѣ съ тѣмъ столь же неизбѣжнымъ является уясненіе связи между эмпирическимъ и сверхъ-эмпирическимъ въ нашей природѣ и объ откровеніи сверхъ-эмпирическаго въ эмпирическомъ. Вѣдь если бы таковой связи не было, то терялась бы для насъ всякая аксіологическая цѣнность сверхъ-эмпирическаго; а если-бы не было вышеуказаннаго раскрытія сверхъ-эмпирическаго въ эмпирическомъ, то о первомъ мы ничего бы не знали и не могли бы говорить“ (стр. 203-204). Такимъ образомъ, понятіе двойственности метафизической природы человѣка есть точка равно принадлежащая и философіи и религіи. Въ интересахъ апологетики, въ интересахъ философствующей религіозной мысли уяснить себѣ, что говорить, или, по крайней мѣрѣ, чего не можетъ сказать о двойственности человѣка философія. Этотъ тонкій и сложный вопросъ можетъ ждать своего разрѣшенія на одномъ изъ *двухъ* путей: или отъ отвлеченнаго систематическаго обслѣдованія интересующаго насъ понятія, или же—отъ конкретнаго историческаго разсмотрѣнія имѣющихся уже попытокъ отвѣтить на него. Первый путь—прямой, но и рискованный; второй—, хотя и окольный, однако болѣе безопасный. Предпочитая осторожную медлительность смѣлому риску г. Гиацинтовъ избираетъ путь историческій. „Главная задача нашей работы состояла въ томъ,—говоритъ онъ въ „заключеніи“—, чтобы выдѣливъ изъ общаго движенія философской мысли проблему о двойственности человѣческой природы, разсмотрѣть,

такъ сказать, нѣкоторые пункты въ ходѣ этой проблемы. Не имѣя возможности прослѣдить исторію этого ученія, мы сочли наиболѣе цѣлесообразнымъ остановиться вниманіемъ на типичнѣйшихъ и характернѣйшихъ точкахъ зрѣнія, такъ чтобы идея двойственности была разсмотрѣна по возможности подъ различными углами. Эту задачу мы и старались выполнить, останавливая свое вниманіе на философскихъ системахъ: Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга, Гелленбаха, дю-Преля и отчасти на ученыхъ трудахъ Джемса—„Многообразіе религіознаго опыта“ и Вейнингера—„Поль и характеръ“, каковыя системы и труды, по нашему убѣжденію, ставятъ проблему о двойственности человѣческой природы если не на первое, то далеко не на послѣднее мѣсто“ (стр. 201-202). Этотъ обширный и богатый матеріалъ распределенъ на *семь* главъ, суммируемыхъ заключеніемъ. Но, т. к. *термины* „субъектъ“, „трансцендентальный“ и „эмпирический“ въ разныя эпохи и у разныхъ авторовъ получали разное значеніе, и т. к., съ другой стороны, *идеи* связывающіяся съ этими терминами въ разбираемомъ сочиненіи, въ свою очередь назывались въ разныя эпохи и у разныхъ авторовъ по разному, то естественно ждать отъ автора попытки установить тотъ или другой смыслъ этихъ терминовъ,—естественно какъ-нибудь закрѣпить заранѣе, о чѣмъ именно придется говорить въ своей работѣ, ибо это „нѣчто“, опредѣленно чувствуемое всякимъ, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ для себя обще-признаннаго и всегда себѣ равнаго термина. Итакъ, г. Гиацинтовъ предпосылаетъ своему изложенію предварительную *первую* главу (стр. 9-21), въ которой даетъ цѣлый экскурсъ о терминахъ входящихъ въ заголовокъ темы. Тутъ прежде всего весьма обстоятельно уясняется терминъ „субъектъ“ чрезъ соотвѣтственное уясненіе среднихъ и почти синонимичныхъ терминовъ „я“, „личность“ и „субстанція“ и чрезъ взаимное разграниченіе объемовъ всѣхъ ихъ. Затѣмъ, разобравъ сочетаніе терминовъ „трансцендентальный субъектъ“, авторъ обсуждаетъ различіе терминовъ „трансцендентальный“ и „трансцендентный“ и, наконецъ, дѣлаетъ нѣкоторую формальную постановку проблемъ двойственности субъекта. Слѣдующая, *вторая* (стр. 21-47) глава посвящена *Спинозѣ*. Тутъ устанавливается что,—вопреки ходячимъ мнѣніямъ о системѣ Спинозы, и вопреки обманчи-

вой его терминологии—, можно и должно видѣть въ его идеяхъ на природу человѣка зачатки позднѣйшей теоріи двойственности. Субстанція—это субъектъ субстанціональный или, пользуясь позднѣйшей терминологіей,—субъектъ трансцендентальный, а модусъ-субъектъ, такъ сказать, „модусальный“ или эмпирическій. Взаимоотношеніе того и другого, опредѣляемое метафизически и переживаемое въ состояніи „интеллектуальной любви къ Богу“ ясно обнаруживаетъ именно такой, анерологическій смыслъ Спинозовской доктрины. „Начинаемъ мы,—говоритъ г. Гиацинтовъ—, свое обслѣдованіе проблемы о двойственности субъекта съ философіи Спинозы не потому, чтобы эта проблема, какъ такая, затрогивалась имъ въ какомъ-либо изъ его философскихъ трудовъ. Нѣтъ. Специальной постановки этой проблемы и разрѣшенія, ея мы у Спинозы не найдемъ. Однако, все его философское міросозерцаніе, взятое въ цѣломъ, мало будетъ говорить и, какъ намъ кажется, будетъ неправильно понято, если совершенно отказаться отъ мысли о двойственности субъекта. Мало того, внимательно взглядываясь въ строеніе Спинозовой системы, мы видимъ, что вся она есть не что иное, какъ развитіе идеи о двойственности человѣческаго существа“ (стр. 22). Далѣе авторъ отмѣчаетъ что amor Dei intellectualis,—эта точка касанія двухъ субъектовъ—, исторически была зародышемъ всей системы, породила ее, какъ зерно изъ себя растение. Въ этомъ переживаніи человѣкъ обрѣтаетъ вѣчную сторону своего существа и, вмѣстѣ съ нею, свою высшую духовную свободу. Такимъ образомъ получается углубленное и своеобразное пониманіе Спинозы Понятія свободы и субстанціональности человѣка, которыя считаются чуждыми Спинозѣ, обнаруживаются въ его системѣ, но въ примѣненіи къ субъекту, называемому нами трансцендентальнымъ.

Въ слѣдующей, *третьей* (стр. 42-47) главѣ обсуждается система *Лейбница*. Опять таки дѣлая оговорку, что хотя „у Лейбница, какъ и у Спинозы, специальной постановки этой проблемы (т. е. проблемы двойственности) нѣтъ, но она, такъ сказать, сквозитъ всюду, а особенно тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о человѣческой монадѣ и ея жизни, каковая одна только и интересуетъ насъ“, г. Гиацинтовъ выражаетъ убѣжденіе, что центральнымъ пунктомъ системы Лейбница „съ

когораго проблема двойственности субъекта открывается во всей полнотѣ“, является „бессознательное въ человѣческой монадѣ“. Отсюда же видно, что Лейбницъ подходит къ рѣшенію интересующей насъ проблемы не съ онтологической, какъ Спиноза, а съ психологической точки зрѣнія. Въ чемъ же именно двойственность?—Въ томъ, что человѣкъ, какимъ онъ данъ себѣ эмпирически, есть вовсе не все, что есть въ немъ. Изъ полноты бытія „субъектъ монады“ въ сознаниі открывається лишь одинъ метафизическій моментъ ея, „субъектъ моментъ-монада“, все же прочее остается бессознательнымъ. „Малыя представленія“, не достигающія сознанія, тѣмъ не менѣе образуютъ основу духовной жизни, и изъ бессознательнаго, какъ изъ зерна, развиваются „плоды духа“.

Слѣдующая, *четвертая* (стр. 68-99) глава содержитъ въ себѣ *Кантовское* ученіе о двойственности. Коснувшись Кантовской терминологии, нашъ авторъ говоритъ затѣмъ о познаниі по Канту, о томъ, что мы познаемъ феномены, а не ноумены, о понятіяхъ закона и причинности. Далѣе уясняется, что есть человѣкъ, по Канту, какъ часть феноменальнаго міра, т. е. какъ субъектъ эмпирической, и что есть субъектъ трансцендентальный, или, что почти то же, что есть характеръ эмпирической и что—интеллигибельный. Наконецъ, обсудивъ взаимоотношеніе ихъ, авторъ естественно приводится къ разъясненію Кантовскаго пониманія свободы.

Въ главѣ *пятой* (стр. 100-122) обсуждается ученіе о двойственности у *Шеллинга*. Авторъ указываетъ, что непримиримое двойство субъекта трансцендентальнаго и субъекта эмпирическаго, внесенное въ философію Кантомъ, дѣлало для него непослѣдовательностью признаніе субъекта трансцендентальнаго, или же требовало перехода отъ критицизма къ свободной метафизикѣ. Это и было выполнено Шеллингомъ при помощи понятія объ „интеллектуальной интуици“, какъ органѣ метафизическаго познанія. Далѣе говорится о двойственности бытія абсолютнаго, т. е. о „Богѣ, какъ существующемъ“ и о „природѣ Бога, какъ основаніи Его существованія“, и, чрезъ обсужденіе возникновенія міра и появленія человѣка, по Шеллингу, изложеніе приводится къ раскрытію ученія о двойственности принциповъ въ тваряхъ. Въ человѣкѣ—начало умопостигаемое и начало эмпири-

ческое,—два существа. Въ заключеніи къ этой главѣ авторъ указываетъ, что Шеллингъ, доразвивъ Кантовское рѣшеніе проблемы двойственности и разъяснивъ нѣкоторые темные пункты и неясности у Канта, въ существенномъ не расходится съ Кантомъ и даже вноситъ не особенно много новыхъ идей.

Глава *шестая* (стр. 123-156) посвящена *Гелленбаху*. Предварительно даются указанія о двойственности человѣческаго существа въ философіи *Шепенгауэра* и *Гартмана*. Затѣмъ говорится о Гелленбаховскомъ понятіи о душѣ, какъ началѣ жизни, являющемся центральнымъ пунктомъ всей его философіи, объ отношеніи Гелленбаха къ материалистамъ, монистамъ и къ естествознанію, изъ критики которыхъ получается у Гелленбаха, его теорія „сочетанія *xu*“, какъ мета-организма. Наконецъ, излагается ученіе о душѣ и о двойственности субъектовъ.

Глава *седьмая* (стр. 159-180) занимается теоріей *дю-Преля* и, наконецъ, въ *восьмой* главѣ (стр. 181-201) мы находимъ краткія очерки ученій *Мейерса*, *В. Джемса* и *О. Вейнгера*.

Въ „*Заключеніи*“ г. Гіацинтовъ пытается еще разъ, на почвѣ уже сдѣланнаго изложенія, осознать идейную связь отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи интересующаго его вопроса. „Мы видѣли уже,—говоритъ онъ—, что Спиноза раскрылъ ученіе о двойственности—въ весьма общей формѣ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ пунктовъ его ученія, оно можетъ быть принято безъ возраженій, благодаря своей крайней общности. Задачею дальнѣйшаго развитія ученія о двойственности было расчлененіе и конкретное толкованіе этихъ широкихъ схемъ. При этомъ понятно, что *x'омъ*, подлежащимъ обслѣдованію, была, такъ сказать, та половина нашего существа, которая не дана намъ эмпирически — Психическое переживаніе, какъ слѣдующее по степени общности за онтологической сферой Спинозы—вотъ почва для изслѣдованія Лейбница. У него область трансцендентальнаго расчленяется на множественность отдѣльныхъ монадъ, истолковываемыхъ какъ психическія индивидуальности. — Далѣе, психическое истолкованіе монадъ должно быть связано съ областью *нормъ*. Нормативный моментъ—вотъ что вноситъ Кантъ (несомнѣнный преемникъ Лейбница, какъ бы онъ отъ того ни отрещивался) въ тран-

сцендентальную сторону нашего существа. Но хотя до сихъ поръ еще преобладаетъ интересъ къ теоретическимъ, познавательнымъ, функціямъ трансцендентальнаго субъекта (въ этомъ сказывается еще непрекратившееся вліяніе спинозовскаго интеллектуализма), однако, уже у Канта отмѣчается, что въ сферѣ нормъ главнѣйшее—область нравственности. Этотъ нравственный моментъ со всею настойчивостью вносятъ въ понятіе трансцендентальнаго субъекта Фихте и Шеллингъ. Но, свобода—принципъ нравственности — была бы отрицательной свободой, если бы она не была свободой творческою. Уразумѣть трансцендентальный субъектъ, какъ начало творческое, — такова задача послѣ-идеалистической философіи, указанная и частично облѣдованная уже Шеллингомъ. Шопенгауэръ и Гартманъ разсматриваютъ этотъ творческій моментъ. Отсюда является необходимость установить конкретную связь изученія трансцендентальнаго субъекта съ науками, изучающими продукты жизненнаго творчества. Это дѣлаетъ Гелленбахъ. Его работу продолжаетъ и углубляетъ дю-Прель, сосредоточивающій свое вниманіе на такъ сказать, наиболѣе непосредственныхъ вторженіяхъ трансцендентальнаго въ эмпирическое. Этимъ область трансцендентальнаго, только обрисованная у Спинозы, пополняется красками, дѣлается почти осязаемой. Понять, что она не однородна, что въ ней есть слои болѣе и меньшей значительности, предлежало дю-Прелю въ его позднѣйшихъ работахъ, но со всею тщательностью было выполнено Мейерсомъ на основаніи обширнаго наблюдательнаго и экспериментальнаго матеріала. Мейерсъ, при томъ, не оставляетъ отчасти безъ вниманія и явленій повседневнои жизни, объясняя ихъ теоріей сублиминальнаго сознанія. Однако, интересъ его вращается по преимуществу въ области наиболѣе яркихъ и потому, естественно, необыкновенныхъ и рѣдкихъ случаяхъ. Преемнику Мейерса Джемсу выпало примѣнить эту теорію сублиминальнаго сознанія къ объясненію болѣе знакомыхъ всѣмъ и доступныхъ для наблюденія процессовъ, къ области религіозной, гдѣ роль трансцендентальнаго наиболѣе существенна. Понятно, что обращаясь къ явленіямъ повседневымъ, Джемсъ могъ для практическихъ цѣлей ослабить слишкомъ опредѣленные пункты теоріи Мейерса, и, вмѣстѣ, съ тѣмъ, могъ опростить ее, чѣмъ и

достигъ быстрого популяризированія. Наконецъ, попыткою объяснить двойственностью человѣческаго существа явленія сексуальности и съ нею связанныя и наоборотъ—примѣнить сексуальныя категоріи къ новому освѣщенію понятія двойственности человѣческаго существа дѣлаетъ Вейнигеръ“ (стр. 204-209).

Таково содержаніе разбираемаго сочиненія. Но прежде чѣмъ переходить къ самому разбору, мы должны отмѣтить новизну и, если угодно, необыкновенность самой темы его. Нѣтъ ни одного ни русскаго, ни, насколько намъ извѣстно, иностраннаго сочиненія, гдѣ бы излагалась исторія двойственности. Авторъ былъ не только безъ образца въ *цѣломъ* сочиненіи, но даже отдѣльныя части его сочиненія должны были быть проработаны самостоятельно. Онъ всегда работаетъ по перво-источникамъ (какіе только находитъ въ русскомъ переводѣ), а не удовлетворяется изложеніями изъ вторыхъ рукъ. Однако, по изученіи перво-источника онъ изучаетъ и литературу по каждому изъ разсматриваемыхъ имъ писателей; эта литература приводится въ концѣ каждой главы. Само собою понятно, что изучить внимательно такое количество мыслителей и, уразумѣвъ суть дѣла, сумѣть извлечь изъ каждой системы мысли требуемое ему ученіе о двойственности, опуская все остальное,—такъ сказать, отпрепарировать у каждаго мыслителя и выдѣлить принадлежащее ему и разросшееся по всей системѣ пониманіе двойственности—, это дѣло требовавшее и труда и вдумчивости. Легко понять также, что затруднительность излагать обособленное отъ системы ученіе о двойственности усугубляется необходимостью каждый разъ приводить его къ извѣстной однородности въ терминологіи съ другими ученіями; вѣдь *безъ* такого приведенія къ одному знаменателю отдѣльные авторы оставались бы несравнимыми между собою, и вмѣсто *сочиненія* о двойственности получилась бы философская *аналогія* по разнымъ, случайно собраннымъ вопросамъ, за которою надо было бы еще усмотрѣть единство.

Нужно воздать справедливую похвалу точности, сжатости и удачной расчлененности въ изложеніи отдѣльныхъ мыслителей: оно—дѣловито; авторъ скупъ на слова и потому, несмотря на сравнительно-незначительное мѣсто, удѣленное каждому изъ философовъ, у него вездѣ сказано все суще-

ственное. При этомъ изложеніе не страдаетъ легко закрадывающимся при подобныхъ условіяхъ схематизмомъ, выдающимъ всякую живую конкретность и индивидуальность: благодаря удачному выбору выразительныхъ цитатъ читателю обрисовывается писательская манера и личныя особенности мышленія разбираемаго философа. Но это—достоинство отдѣльныхъ главъ; важнѣйшее же достоинство рецензентъ видить въ архитектурнѣ *цѣлаго* сочиненія, въ пропорциональности частей, въ единствѣ замысла, связующаго ученія, на первый взглядъ столь разнородныя. *Двойственность субъекта*, какъ достояніе не философовъ, а философіи, и не отдѣльныхъ и случайныхъ звеньевъ историческаго процесса, а всей исторіи—это не варіація на избитую тему, а историко-философское *открытіе*,—мысль не имѣвшая доселѣ никакого конкретнаго осуществленія и даже отвлеченно не высказывавшаяся. Честь первой попытки сдѣлать это открытіе достояніемъ исторіи философіи, перевести это общее пожеланіе въ науку принадлежитъ г. Гіацинтову.

Выполнить эту работу безукоризненно—весьма нелегко; выполнить же ее безукоризненно въ годъ и, притомъ, не имѣя за плечами годовъ философской предварительной подготовки—не только не легко, но и невозможно. Рецензентъ полагаетъ, что, принимая во вниманіе бывшія условія работы, онъ долженъ быть доволенъ сдѣланнымъ, ибо сдѣлано приблизительно все то, что можно было сдѣлать. Это „приблизительно“ относится и къ формѣ и къ содержанію. Что касается до формы, то во всемъ сочиненіи чувствуется нѣкоторая неуклюжесть стиля, не то чтобы прямыя погрѣшности, а скорѣе связанность походки у человѣка, который долго сидѣлъ или стоялъ неподвижно. *Требовать* иного стиля было бы несправедливостью, ибо трудность и отвлеченность предмета хоть кого сдѣлають неуклюжимъ. Когда чувствуешь, что каждый союзъ можетъ оказаться грубымъ промахомъ и противъ воли автора контрабандно протащить за собою утвержденія недопустимыя,—тогда поневолѣ будешь подозрительнымъ къ себѣ самому; а подозрительность и грація—„двѣ вещи несовмѣстныя“.—Даже гораціево *saepe verum stultum* въ подобныхъ случаяхъ мало помогаетъ. Тутъ единственное средство—внимательно перечестъ свое сочиненіе, забросить его куда-нибудь подальше,—чтобы не было

искушенія заглянуть въ него—,и писать все заново, а тамъ. въ случаѣ несовершенства,—еще и еще заново. Есть, конечно, у г. Гиацинтова и болѣе осязательные недостатки—описки, нѣкоторыя неправильности выраженія и т. п.,—но ихъ немного, да къ тому же это—мелочи.

Что касается до содержанія, то и тутъ скорѣе приходится вставлять *desiderata*,—выполненія которыхъ рецензентъ и не рѣшался *требовать*—, нежели нетерпимыя упущенія. Главное *desideratum*—это отсутствіе ученія о двойственности *Фихте*, преимущественно Фихте-старшаго, хотя не мѣшало бы рассмотреть и ученіе Фихте-младшаго. Недостатокъ этотъ, думается, объясняется главнымъ образомъ недостаточно свободнымъ владѣніемъ нѣмецкаго языка. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе и *Шеллингъ*, представленный у г. Гиацинтова преимущественно его „Исслѣдованіями о свободѣ“; къ сожалѣнію Шеллингъ періода натур-философскаго и Шеллингъ періода теософскаго отсутствуютъ. Однако это—*только* сожалѣніе, не болѣе, ибо о всемъ Шеллингѣ и вообще-то доселѣ *нѣтъ* удовлетворительной монографіи, а ученіе о двойственности у Шеллинга смѣло могло бы быть предложено отдѣльно, въ качествѣ темы для сочиненія на степень кандидата.

Можно было бы посѣтовать еще на краткость параграфовъ, обсуждающихъ ученія Шопенгауэра и Гартмана; можно было бы отмѣтить также отсутствіе Канта мистическаго и т. д. и т. д., но, повторяю, безпредѣльнымъ человѣческимъ требованіямъ полагается естественный предѣлъ различными условіями: *ars longa, vita brevis est*. Какъ *desideratum* еще болѣе отдаленный укажу еще на желательность выясненія, въ какой связи стоятъ разбираемыя ученія съ ученіями мистиковъ Возрожденія и Средневѣковья и, чрезъ нихъ, а также и непосредственно,—съ ученіями Древности. Тутъ—богатѣйшая жатва для открытій и углубленій.

Не буду касаться нѣкоторыхъ мелкихъ дефектовъ въ изложеніи г. Гиацинтова: это было бы слишкомъ долго и почти безцѣльно,—теперь, когда сочиненіе написано. Но если бы онъ задумалъ передѣлывать свое сочиненіе въ магистерскую диссертацию, то тогда эти указанія удобнѣе всего было бы выслушать ему непосредственно отъ рецензента. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе г. Гиацинтова для полученія степени кандидата богословія вполне удовлетворительно“

б) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:

„Г. Гацинтовъ въ своемъ сочиненіи (209 стр.) изслѣдуетъ фактъ двойственности души. Съ одной стороны душою называется совокупность душевныхъ состояній постоянно мѣняющихся. Это, такъ сказать, душа феноменальная. Съ другой стороны за этимъ непрерывно мѣняющимся содержаніемъ предполагается нѣкоторая неизмѣнная основа. Это, такъ сказать, душа субстанціональная.

Г. Гацинтовъ разсматриваетъ ученіе о двойственности души въ новой философіи. Онъ излагаетъ теоріи Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга, показываетъ, какъ мѣнялась терминологія по изслѣдуемому вопросу (самъ онъ пользуется терминологіей Канта), отмѣчаетъ различія и даже оттѣнки различій во взглядахъ названныхъ философовъ. Послѣ Шеллинга авторъ круто поворачиваетъ въ сторону новѣйшихъ философовъ далеко не перваго разряда, трактовавшихъ изслѣдуемую проблему инымъ методомъ, чѣмъ какимъ изслѣдовала ее обычная метафизика, и призвавшихъ на помощь для рѣшенія вопроса мистицизмъ, оккультизмъ, спиритизмъ. Г. Гацинтовъ говоритъ о Гелленбахѣ, дю-Прелѣ, Джемсѣ, Вейнингерѣ.

Излагаемая имъ ученія авторъ пытается представить въ исторической связи и преемственности.

Сочиненіе въ общемъ написано просто, ясно и читается съ интересомъ, но по мѣстамъ имѣются тяжелыя выраженія, кое-гдѣ страдаетъ грамматика.

Недостаткомъ сочиненія является то, что пропущенъ цѣлый рядъ мыслителей давшихъ серьезныя трактаты о душѣ. Этотъ недостатокъ можетъ находить свое оправданіе въ недостаткѣ времени, но не вполне: послѣшеллинговская плеяда избранныхъ авторомъ философовъ съ пользою могла быть замѣнена иными именами и дѣлами.

Авторъ совершенно не подозреваетъ, что для трактуемаго имъ вопроса дають громадный матеріалъ религіозныя ученія о душѣ („ху“ Гелленбаха можно сблизить съ „кгу“ египетской религіозной психологіи).

Но авторъ сдѣлалъ то, что можно сдѣлать въ годъ. Работа его и полезная и хорошая.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

8) О сочиненіи студента священника *Горохова Иакова* на тему: „Книжные и литературные труды митрополита Кипріяна“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Задачу своего сочиненія о Гороховъ понялъ очень широко. Онъ не ограничилъ ее однимъ только разсмотрѣніемъ подлинныхъ или предполагаемыхъ автографовъ митр. Кипріяна и его литературныхъ произведеній, но задумалъ представить въ цѣлостномъ видѣ всю его писательскую и книжно-исправительную дѣятельность, выяснить ея корни, размѣры и развитие, опредѣлить ея значеніе, даже по возможности представить ее въ связи съ живымъ образомъ митр. Кипріяна. Отсюда—обширные размѣры сочиненія (124 листа малаго формата + 44 фотографическихъ снимка съ рукописей). Но столь широкое пониманіе темы заставило автора слишкомъ бѣгло разсмотрѣть одинъ изъ существенныхъ вопросовъ его труда: онъ подробно изображаетъ историческую перспективу жизни и дѣятельности Кипріяна и разбираетъ биографическіе вопросы, касающіеся его, но онъ не даетъ исчерпывающаго изслѣдованія самостоятельныхъ литературныхъ произведеній Кипріяна, ограничиваясь только простымъ перечисленіемъ ихъ и отрывочными замѣчаніями о нихъ.

Авторъ совершенно справедливо ставитъ Кипріяна въ самомъ центрѣ того движенія въ сферѣ книжнаго дѣла на Руси въ 14—15 столѣтіяхъ, которое отразило на себѣ сильное вліяніе южно-славянскои орфографической традиціи. На Кипріяна онъ смотритъ, какъ на послѣдователя Евфимія Тырновскаго,—и вполне основательно объясняетъ тѣ историческія обстоятельства, которыя привели Кипріяна къ мысли о реформѣ книгъ и письма. Далѣе съ большой тщательностью, путемъ объединенія всѣхъ возможныхъ данныхъ, онъ устанавливаетъ направленіе и размѣры трудовъ Кипріяна и его помощниковъ по переводу и перепискѣ книгъ. Собранныя данныя представляютъ, дѣйствительно, цѣльную и въ общемъ исторически вѣрную картину дѣятельности Кипріяна. Но нѣкоторыя частныя мысли и наблюденія автора остаются мало обоснованными или возбуждаютъ сомнѣніе и недоумѣніе. Напримѣръ: а) выраженіе книжная „справа“, которымъ пользуется авторъ, имѣетъ у него значеніе

расплывчатое и крайне измѣнчивое; б) подѣ „церковнымъ правиломъ правымъ“ въ Посланіи Кипріяна къ псковскому духовенству ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть, какъ думаетъ авторъ (166 стр.), *διὰ τῆς* Филовея; в) едва ли можно согласиться съ нимъ, что исправленіе книгъ вводилось и распространялось Кипріяномъ, какъ частнымъ лицомъ, а не какъ іерархомъ русской церкви; г) авторъ не приводитъ вѣскихъ данныхъ въ пользу своей оригинальной мысли о томъ, что писцы Кипріяновой школы группировались въ Троицкой Лаврѣ.

Наибольшую цѣнность сочиненія представляютъ собою послѣднія три главы его, которыя посвящены подробному описанію рукописей Московской Духовной Академіи, ечитающихся автографами Кипріяна: Лѣствицы, Псалтири и Сочиненія Діонисія Ареопагита. Въ палеографическомъ отношеніи эти рукописи описаны съ чрезвычайной тщательностью и исчерпывающей полнотой, при чемъ въ особенную заслугу автору здѣсь нужно поставить примѣненіе къ изученію всѣхъ деталей письма точнѣйшаго сравнительнаго метода. Окончательный выводъ, къ которому, на основаніи анализа письма, приходитъ авторъ, состоитъ въ томъ, что Ареопагитикъ не принадлежитъ перу Кипріяна, тогда какъ Лѣствица и Псалтирь—труды его письма. Сличеніе Псалтири съ Лѣствицей, со стороны приемовъ письма, сдѣлано настолько мастерски и детально, что, на нашъ взглядъ, послѣ работы о. Горохова всякое сомнѣніе въ принадлежности перу Кипріяна Псалтири должно исчезнуть. Къ сожалѣнію, и въ описаніе указанныхъ рукописей вкралось нѣкоторое количество погрѣшностей, въ родѣ того, что въ словѣ *тоуждь* усматривается переходъ звука *ч* въ *т*, или въ словѣ *оцѣщеніе*—замѣна *ч* черезъ *ц* и т. п. Впрочемъ, такія недоразумѣнія извинительны для студента, начинающаго научно работать въ спеціальной области языка и палеографіи.

Въ общемъ сочиненіе о. Горохова представляетъ собой прекрасную студенческую работу, основанную на огромномъ, добросовѣстномъ и умѣломъ трудѣ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ тонкому критическому анализу, остроуміе, способность усѣбно разбираться въ запутанныхъ вопросахъ и искреннее увлеченіе предметомъ своего труда, не смотря на его спеціальныи характеръ и сухость.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. П. Голубцова:

„Автору нужно было привести въ полную извѣстность и научно обследовать труды названнаго святителя. Задача сама по себѣ уже сложная и весьма нелегкая для выполнения. Въмѣсто того, чтобы сократить и облегчить себѣ работу, о. Іаковъ еще болѣе осложняетъ ее. Въ двухъ первыхъ главахъ онъ даетъ обширныя свѣдѣнія о средѣ, въ которой въ разное время митрополиту Кипріану приходилось вращаться, и въ особенности о богатой событіями его жизни. Кипріановой біографіей занимались первоклассные наши ученые: А. В. Горскій, Е. Е. Голубинскій и др. О. Гороховъ не просто передаетъ добытые ими результаты, но старается ихъ провѣрить и сказать отъ себя что-либо новое. Его усилій разобраться въ рѣшеніи нѣкоторыхъ запутанныхъ вопросовъ, хотя бы, на примѣръ, вопроса о происхожденіи или національности Кипріана нельзя не принять во вниманіе, но инья его догадки и въ числѣ ихъ попытку поправить Горскаго въ опредѣленіи года прибытія святителя на московскую митрополию слѣдуетъ признать за простое съ его стороны недоразумѣніе. Темъ сочиненія ближайшимъ образомъ отданы авторомъ остальныхъ четыре пространныхъ главы, въ которыхъ содержатся „анализъ свѣдѣній о книжно-исправительной дѣятельности митр. Кипріана и подробнѣйшее палеографическое описаніе“ небезызвѣстныхъ ученому міру рукописей Московской Духовной Академіи (№№ 152, 142 и 144)—Лѣствицы и Псалтири „Кипріанова письма“ и твореній Діонисія Ареопагита, доселѣ приписывавшихся нѣкоторыми его же перу. О. Гороховъ не нашелъ пока возможнымъ разбирать литургическихъ произведеній м. Кипріана“ (стр. 128). Это, повидимому, и не требовалось темой: но поточнѣе знать, что сдѣлано по этой части другими, ему хотя бы про себя весьма не мѣшало бы. Онъ не только тогда не принялъ бы „Молитвенника“ Кипріанова за „какой-либо сборникъ или канонникъ“ (стр. 135) и не отождествилъ бы его „Церковнаго правила“ съ его „Уставомъ божественныя службы“ или *Λειτουργίῳ* патр. Филовея (стр. 165—167; см. 157); но и получилъ бы довольно прочную для себя опору въ рѣчахъ объ исправительно-переводческой дѣятельности митр.

Кипріяна, надежный критерій для сужденія о приемахъ, которыхъ держался послѣдній въ своихъ переложеніяхъ съ греческаго. Теперь же ему оставалось обосновываться въ данномъ отношеніи: а) преимущественно на „томъ пристрастномъ, по его собственному сознанию (стрр. 146, 158, 148, 153, 155) отзывѣ Нила Курлятевыхъ объ исправленіи Кипріяномъ Псалтири; б) на *довольно случайныхъ* замѣткахъ о томъ же на рукописяхъ нашихъ позднѣйшихъ *книжниковъ* и в) на довольно общихъ и мало говорящихъ по разсматриваемому вопросу показаніяхъ самого святителя и панегирически настроенныхъ къ нему нѣкоторыхъ его современниковъ. Насколько могутъ быть состоятельны основанія второго рода и какихъ тщательныхъ справокъ требуютъ они отъ изслѣдователя прежде, чѣмъ онъ станетъ опираться на нихъ, попытаемся показать это на примѣрахъ, на тѣхъ самыхъ *припискахъ*, которыя въ качествѣ аргументовъ привлекаетъ и нашъ авторъ. Доказывая, вслѣдъ за архим. Амфилохіемъ, тенденціозную поправку свидѣтельства Нила Курлятевыхъ о митр. Кипріянѣ, что онъ „по гречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ“, о. Іаковъ ссылается на жившаго въ XV вѣкѣ переписчика, который, списывая свою Псалтирь съ *Кипріяновой*, „отмѣтилъ *вѣрность перевода*“ послѣдней въ такого рода припискѣ: „Жалтыр Денисья Лупина, письмо Пищулино, *переводъ добръ*“ (Рукоп. Волокол. м., а нынѣ Моск. Епарх. библ. № 159). Кто были и когда собственно жили Діонисій Лупа и пиसेць Иванъ Пищуля, откуда видно, что оригиналомъ для послѣдняго служила Кипріянова именно Псалтирь и къѣмъ въ дѣйствительности сдѣланъ отзывъ,—этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ нашъ авторъ не разсматриваетъ. Продолжая доказывать правильность и авторитетность Кипріянова перевода Псалтири въ представленіи древне-русскихъ книжниковъ, онъ приводитъ потомъ изъ другой Волоколамской рукописи (нынѣ нашей 6-ки № 57—152) такого рода еще приписку: „Псалтыря Кипріяновъ перевод, а писмо Герасима Замытского, а по келіамъ ея не дають, а держать ея на свидѣтельство“. Помимо раскрываемой мысли, онъ видитъ здѣсь не только „прямое указаніе на подлинную Кипріянову Псалтирь, но и *перифразъ* имѣющей въ ней слѣдующей помѣты: „Псалтырь митрополичья Кипріянова писма; безъ игуменсково благосло-

веніа не давати ея никому *иныхъ* монастырей постриженником“. Герасимъ Замыцкій —постриженникъ (но не игумень, какъ утверждаетъ о. Гороховъ) Волоколамскаго монастыря, нѣкоторое время былъ архимандритомъ Московскаго Симона (1520—1526) и умеръ на покоѣ въ Іосифовой же обители. Отнесшись вдумчивѣе только къ этимъ голымъ біографическимъ даннымъ, о. Іаковъ, быть можетъ, иначе взглянулъ бы на обѣ приписки и ихъ взаимное отношеніе и задался бы мыслію: какимъ способомъ постриженникъ одной обители могъ списывать книги съ добрыхъ и дорогихъ „переводовъ“ другой, мало доступныхъ для пользованія даже своихъ иноковъ? А давши себѣ трудъ ознакомиться нѣсколько съ приписками на рукописяхъ Волоколамскаго и Троицкаго монастырей и древнѣйшими описями (XVI—XVII вв.) ихъ книгохранилищъ, онъ навѣрное отъ нѣкоторыхъ своихъ выводовъ отказался бы, иные измѣнилъ. Онъ узналъ бы, напримѣръ, что въ монастырскихъ книгохранилищахъ были книги *списочныя и правленыя*, державшіяся для „*справнаго свидѣтельства*“, по кельямъ безъ разбора не дававшіяся, были переводы добрые и плохіе, уяснилъ бы себѣ лучше самый терминъ „переводъ“. Приписки въ рукописяхъ, которыя приходилось изучать нашему автору, имѣютъ очень большое, я бы сказалъ, прямо *рѣшающее* значеніе въ темахъ, подобныхъ его темъ, и присмотрѣться къ нимъ слѣдовало пристальнѣе и всестороннѣе съ историко-библіографической, палеографической и другихъ точекъ зрѣнія. Болѣе внимательно изучивъ постановку книжнаго дѣла въ древней Руси, о. Іаковъ съ болѣею увѣренностію сталъ бы говорить тамъ, гдѣ теперь у него замѣтны колебанія, ставятся вопросы, высказываются предположенія, а главное на самый объемъ книжно-литературной дѣятельности м. Киприана и вообще его просвѣтительныхъ заслугъ посматрѣлъ бы болѣе осмотрительнымъ и менѣе роскошнымъ взглядомъ. Южно-славянское вліяніе въ нашей письменности и реформа орфографіи (юсовое письмо) насаждены у насъ трудами, конечно, не одного названнаго святителя. Его сотрудниковъ о. Іаковъ ищетъ среди иноковъ Троице-Сергіева и Серпуховскаго Высоцкаго монастырей, въ Константинополѣ, среди русскихъ писцовъ „по вольному найму“. Не отрицая возможности подобнаго сотрудничества, естествен-